

Термин «инославянский» и вопрос его уместности

The Term “инославянский” and Its Reasonability

Йозеф Догнал

(Брно, Чешская Республика — Трнава, Словацкая Республика)

[**статья**]

Abstract:

The article deals with the use of the term “инославянский” over the period of about the past 10 years in a the professional literature with orientation on methods of teaching Russian as a foreign language. The author points out that the term is ambiguous and ill-defined. Mentioned is also the coincidence of this term with the fully convenient term “славянский” and the fact that an overstressing of *инославянский* could lead to an undesirable emphasizing of the opposition of the notions Russian–non-Russian but Slavonic.

Key words:

terminology; *инославянский*; *славянский*; methods of teaching Russian as a foreign language

Научные термины, при помощи которых определяется значение того или иного явления, должны быть точны, должны не позволять слишком широкого толкования, не то несколько разнородных толкований, и они должны по мере своей корректности не выражать никакого пристрастия. Кроме того, благодаря вышеприведенным требованиям, их должен принять более широкий круг пользователей, чтобы, пользуясь ими, все в своих высказываниях касались того же предмета. Эта статья коснется одного из терминов, которым в последнее время начинают пользоваться, хотя он, нам кажется, не удовлетворяет полностью именно этим критерия. Это термин «инославянский», встречающийся в последние приблизительно 10–15 лет в работах специалистов, занимающихся вопросами методики преподавания русского языка как иностранного.

История возрождения термина

Начнем с истории самого слова «инославянский». Фактом является то, что, например, в словаре С. И. Ожегова [OŽEGOV 1977] данное слово не приводится, в то время как в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова это слово присутствует, и о нем сообщается, что речь идет об устаревшем, книжном наименовании явления, «**ИНОСЛАВЯНСКИЙ**, инославянская, инославянское (книжн., устар.). Принадлежащий к другому славянскому народу (не русский)». [UŠAKOV 2012] Однако в последнее время этот термин неоднократно появляется не только в названии сборников, опубликованных Славистским дружеством (Slavističko društvo) в Белграде, но и в названии некоторых опубликованных в нем или вне его статей, ориентированных в основном на вопросы преподавания русского языка как иностранного или на лингвистические темы. Этот факт заслуживает нашего внимания, потому что каждое новое понятие, тем более новый термин, которым оперируют в научных трудах, должен соответствовать требованиям к термину как таковому и, если он вводится в качестве нового, то должен и означать что-нибудь новое, при помощи других терминов пока не выраженное, не затронутое. Если, однако, данный термин соответствует до того существующему, но устаревшему слову, то возникает, во-первых, вопрос о причине «возрождения» именно этого слова, во-вторых, вопрос о том, не загружен ли такой термин именно этим устаревшим значением.

Чтобы точнее обсудить обоснованность появления термина, надо разобраться в том, в каком значении им пользуются. Поэтому уместно обратиться в первую очередь к моменту «возрождения» этого понятия, которое связано, кажется, с 2009 годом и с первым изданием сборника «Русский язык как инославянский. Выпуск I. Современное изучение русского языка и культуры в инославянском

окружении» [STANKOVIČ 2009, 9], чтобы проследить особенности его использования. В первой статье сборника под названием «О целесообразности формирования методологии изучения и методики преподавания русского языка как инославянского», автором которой является Б. Станкович, мы находим рассуждение, с сутью которого трудно поспорить: «... в настоящее время потребность в специфическом подходе к изучению русского языка и русской культуры в инославянском окружении чувствуется сильно, и в будущем, наверное, будет чувствоваться ещё сильнее.» [STANKOVIČ 2009, 9]¹ Данный специфический подход Б. Станковича к обучению русскому языку проистекает из опыта сербских студентов, который они приобрели во время московской стажировки. Оказалось, что им как студентам, родным языком которых является славянский язык, не нужно было сживаться с грамматической системой русского языка так интенсивно, как их неславянским, например, китайским коллегам. Они быстрее продвигались в изучении лексического строя русского языка и при овладении русской грамматикой опирались на свои знания грамматической системы сербского языка, которая во многом похожа или даже одинакова не только в сербском, но и в других в славянских языках. Логично звучит желание Б. Станковича разработать методику преподавания русского языка, которая бы учитывала специфику славянских языков и таким образом позволяла учащимся быстрее овладеть данным иностранным, но относительно близким языком: «... результаты такого изучения были бы основой формирования «активной» методики обучения русскому языку как инославянскому, которая бы конкретно проявлялась в создании учебников и пособий активного типа, в первую очередь активных грамматик, двуязычных словарей и разговорников, направленных от родного языка к русскому, которые бы конкретное обучение направляли на развитие активных устных и письменных коммуникативных способностей учащихся.» [STANKOVIČ 2009, 11] Таким образом, по мнению Б. Станковича, необходимо, чтобы при изучении русского языка как иностранного был принят во внимание и включен в методику преподавания факт взаимной близости славянских языков. Термин «инославянский» он использует для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет об обучении русскому языку как иностранному в группах студентов, для которых родным языком является один из славянских языков, но не русский. Подытоживая, Б. Станкович приходит к заключению: «... я предлагаю учредить Библиотеку (серию публикаций) под названием «Русский язык как инославянский», ...» [STANKOVIČ 2009, 12] Кажется, что в данном случае он сам себе в определенной мере противоречит — русский язык, по его словам, находится в «инославянском окружении» (т. е. инославянскими

1 Отзыв на сборник см. [MATYUŠOVÁ 2011].

являются другие славянские языки, но не русский), но предлагаемая серия публикаций представляет в качестве предмета русский язык как инославянский (т. е. «инославянским» является именно русский язык). Возникает вопрос о том, что именно можно включить в данное понятие, т. е. что на самом деле является инославянским — и получается, что все, что не является исходным языком. Для сербов инославянским языком является русский (а также, конечно, и чешский, польский и т. д.), для русских — все остальные славянские языки. В таком случае, однако, вполне достаточным является термин «славянский»: Россия (а, следовательно, и русский язык) окружена славянскими народами (и языками), и представители этих народов могут изучать русский язык как славянский.

Призыв Б. Станковича к созданию двуязычных словарей, разговорников и т. д., которые возникают и в славянской, и вне славянской среды в качестве русско-«иноязычных» пособий для изучения русского языка и совершенствования в нем, является в некоторой степени призывом к созданию того, что уже существует. То, что, возможно, кажется новым в призыве сербского русиста, — это призыв к созданию активной специфической методики преподавания, предназначенной для студентов из славянских стран. Это, однако, также не является ничем новым — стоит напомнить, о чешском учебнике «Přiruční mluvnice ruštiny pro Čechy» [HAVRÁNEK 1961; BAUER, MRÁZEK, ŽAŽA 1960], разработанном на рубеже 50-х–60-х годов 20-го века. Исходя из предположения, что желание какого-либо студента из славянской среды активно освоить какой-либо другой славянский язык принципиально не отличается от желания неславянского студента активно освоить какой-либо славянский язык, их принципиально отличает разница в языковой системе, на основе которой изучается русский язык, то есть славянский или неславянский язык — термин «инославянский» в данном случае, на наш взгляд, опять не играет роли. По-нашему, он скорее делает что-то простое более сложным, не принося ничего нового. Он даже прямо искажает тот факт, что славянские языки имеют общую системную основу, потому что, как минимум, один из них «иной». Из-за целей различения методики преподавания стоит различать принципиально две группы языковых систем — славянскую и системы неславянские.

Рассматривая логику изложения Б. Станковича в свете первоначального значения слова «инославянский» по словарю Д. Н. Ушакова, трудно поверить тому, что он подспудно не возвращает в обиход именно оппозицию русский — нерусский, но славянский. В случае, что он не хотел бы этого делать, надо было бы привести и другие примеры. Ведь — если бы не было именно этого значения — надо было бы учесть, что любой славянский язык может быть принят за «инославянский», если он сопоставляется с любым другим славянским языком; все зависит только от того, какой из этих двух славянских

языков станет отправной точкой. В таком случае это должно касаться не только распространения русского языка, но и всех славянских языков в славянской среде в целом. Утверждение сербского руссиста, что в отдельных славянских странах должны быть разработаны учебные материалы и экспертные исследования для содействия обучению именно и только русского языка, которые бы были основаны на противоположности «русский — нерусский, но славянский» как раз наводит на первоначальное и устаревшее значение данного слова: «Следует быть уверенными, что такая наша деятельность будет способствовать как формированию методологии изучения и методики преподавания русского языка как инославянского (РКИнсл), так и реальной поддержке русского языка в славянском мире.» [STANKOVIĆ 2009, 12] Значит, Б. Станкович сосредотачивает внимание не на славянской взаимности и равноправии славянских языков, как это могло бы показаться, а всего лишь на однолинейной поддержке русского языка среди нерусских славян.

Употребление термина

Интересно наблюдать за тем, насколько этот термин «внедрился» в терминологию, которая фигурирует в названиях статей и сборников. В вышеназванном первом сборнике данной серии появляются только два следующих названия статей, содержащих этот термин, — оба автора из Сербии: Н. Айджанович является автором статьи «К вопросу о социолингвистическом и лингвистическом аспектах учебника русского языка как инославянского» [AJDŽANOVIĆ 2009] и К. Кончаревич — автор статьи под названием «О некоторых принципах организации когнитивных содержаний при усвоении русского языка в инославянской (сербской) среде». [KONČAREVIĆ 2009] К. Кончаревич в названии осознает необходимость разъяснить смысл понятия инославянский; как будто она сама чувствует, что такое разъяснение уместно и даже необходимо. Это же касается и других сборников серии «Русский язык как инославянский», которые с 2009 г. издаются ежегодно. Последний к нам дошедший сборник [KONČAREVIĆ 2015] содержит термин «инославянский» в названиях только двух статей из 21 опубликованной [MARKOVA 2015; OSTAPENKO, GUZEJEV 2015]. Во всех остальных статьях мы либо вообще не находим такого термина, либо он заменяется другими терминами. Так, например, К. А. Петрова называет свою статью «Проблемы когнитивной лингвистики; обучение студентов, изучающих русский язык как иностранный» [PETROVA 2015], то же самое делает и Н. В. Кулибина, выбирая название «Дистанционное повышение квалификации преподавателей: массовый открытый онлайн курс «Практическая методика преподавания русского языка как иностранного»» [KULIBINA 2015].

Другие авторы либо посвящают свои статьи конкретным языкам [DUFKOVA 2015], либо используют термин «славянский» [GADOMSKAJA 2015]. Как оказывается, вопрос об «инославянском» в месте своего возрождения теряет свои позиции и не приживается.

Даже в России термин не является основным, когда речь идет о сфере преподавания русского языка как иностранного в славянской среде. В 2014 году в МГУ в Москве состоялся 5-ый Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», в рамках которого организовали круглый стол «Русский язык как инославянский» [SUROVCEVA 2014]. Можно было бы перечислить несколько подобных случаев. Несмотря на это можно утверждать, что относительно небольшая частотность использования понятия как чего-то ясно определенного и значимого означает, что данное понятие в обиходе только в узком кругу пользователей, в большинстве случаев как будто бы довольно интенсивно ощущалась его избыточность.

Вне русской среды термин встречается довольно редко. В чешской среде этим термином не пользуется почти никто из чешских русистов. И. Калита, например, представляет его в предисловии к своему учебнику «Практическая фонетика современного русского языка с основами теории» [KALITA 2011], где пишет: «Учебное пособие предназначено студентам-чехам, изучающим русский язык как иностранный (инославянский).» [KALITA 2011, 3] И она приводит два термина, а понятие «инославянский» использует в скобках только как вторичное. Как пример его использования стоит упомянуть о приглашении опубликовать свои работы в сборнике «Преподавание русского языка как инославянского: современные методы и средства обучения», которое пришло в 2011 г. с Кафедры русистики, украинистики и славистики Университета в Прешове. [JEVPAK 2012] Там же в 2012 г. был издан сборник «Vyučovanie ruštiny ako cudzieho jazyka vo viackultúrnom prostore», в котором можно найти, например, статью Е. Евпака «Современные образовательные технологии в курсе „Русский язык как инославянский иностранный“» [JEVPAK 2012], название которой было переведено на словацкий язык следующим образом: «Súčasná vzdelávacie technológie v rámci disciplíny „Ruština ako cudzí jazyk“» [JEVPAK 2012]. Как видим, словацкие издатели решили не делать дословный перевод названия статьи, его только приблизили к оригиналу.

Аналогии и возможные исключения

Если опираться на требование к целесообразности введения нового термина в обиход, то стоит учесть и то, насколько он соответствует обиходу в других языковых группах, в которых близость, но не тождественность тоже связана

с вопросами методики преподавания отдельных языков в группах студентов той же языковой группы. Насколько нам известно, никто пока не стал вводить аналогичный термин в франкофонной или германоязычной среде; попытка ввести понятие вроде «инороманской» среды для обучения французскому языку, например, румынских студентов, или термина «иногерманский» для обучения немецкому языку в Дании, наткнулась бы на непонимание, может, даже, на сопротивление.

Преподавание русского языка как иностранного для русского ученика/студента не принимается во внимание; в случае русских обучающихся ведь речь идет об изучении родного языка, что не надо подчеркивать. Там и основные знания языка другие, цели другие, чему подчиняются и подходы к обучению.

Можно возразить, что стоит учесть случаи, когда русские ученики и студенты, живущие подолгу за границей России, обучаются русскому языку. Однако, в таком случае возможны две альтернативы: 1) родным языком данного студента является русский язык — в таком случае, однако, русский не преподается в качестве иностранного; 2) родным языком, т. е. первичным с точки зрения глубинного строя, ввиду разных обстоятельств, является не русский, а другой язык — в таком случае уместно, кажется, говорить об изучении русского как иностранного, но на более продвинутом уровне. Специфической группой являются билингвные студенты, но в их случае дело опять не касается обучения русскому языку как иностранному.

Заключительные выводы

Стоит упомянуть еще один опасный факт: подчеркивая инаковость, другими словами, чуждость (ведь *иностранец* — *другой* человек, по-чешски *cizinec*), мы в некоторой степени ослабляем славянское единство и равенство славянских языков. В первоначальном значении — см. словарь Ушакова — данный термин обозначал всех нерусских славян, поэтому существовали славяне и «инославяне». Это, по импликации, можно было понимать даже таким образом, что существовали «славяне» и «другие, или *чужие* славяне». К счастью, такое понимание устарело и практически исчезло из употребления. Разъединение славянских народов на «славян» и «инославян» исчезло в пропасти истории.

Остается под вопросом, не вызвано ли само происхождение термина «инославянский» попыткой найти, изобрести новый термин без достаточного рассмотрения и размышления над тем, имеет ли это вообще какой-либо определяющий смысл, привносит ли это необходимое разнообразие в научный

язык и действительно ли это помогает назвать какое-то новое явление, для которого до сих пор не существовало точного названия.

Когда речь заходит об обучении русскому языку нерусского студента, для которого какой-либо из славянских языков является родным языком, то достаточно всего лишь отметить этот факт формулировкой «преподавание русского языка как славянского». Таким способом ясно отмечена суть того, что хотят обозначить с точки зрения методики преподавания русского языка среди славян.

Речь идет о маргиналии, которая даже не стоит такого длинного обсуждения. В то время, когда даже в гуманитарных науках необходимо проявлять «инновативность», требующую изобретений и патентов, именно данное терминологическое изобретение может стать областью, в которой словесная эквилибристика и желание быть изобретателем преобладает над целесообразностью и рассудительностью.

Библиография:

- AJDŽANOVIČ, N. (2009): *K voprosu o sociolingvističeskom i lingvističeskom aspektach učebnika russkogo jazyka kak inoslavjanskogo*. In: STANKOVIČ, B. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk I. *Sovremennoje izučenje russkogo jazyka i russkoj kul'tury v inoslavjanskom okruženii*. Belgrad, s. 93–101.
- BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. (1960): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. II, Skladba*. Praha.
- DUFKOVA, L. (2015): *Sposoby vyraženiya pričinných otnošenij v sovremennoj russkoj i češskoj presse*. In: KONČAREVIČ, K. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenje russkogo jazyka i russkoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad, s. 54–60.
- GADOMSKAJA, G. P. (2015): *Sertifikacionnyje ěkzameny po slavjanskim jazykam v Pol'se*. In: KONČAREVIČ, K. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenje russkogo jazyka i russkoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad, s. 141–154.
- HAVRÁNEK, B. et al. (1961): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy. I, Hlásokloví a tvarosloví*. Praha.
- JEVPAK, Je. (2012): *Súčasnĕ vzdelávacie technológie v rámci disciplíny „Ruština ako cudzí jazyk“ / Sovremennyje obrazovatel'nyje tehnologii v kurse «Russkij jazyk kak inoslavjanskij inostrannyj»*. In: PETRÍKOVÁ, A. (ed.) (2012): *Vyučovanie ruštiny ako*

cudziego jazyka vo viackultúrnom priestore. Prešov, s. 85–93. https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Petrikova5/subor/9_jevpak.pdf. [online]. [cit. 12. 3. 2018].

- KALITA, I. (2011): *Praktičeskaja fonetika sovremennogo ruskogo jazyka s osnovami teorii*. Ústí nad Labem.
- KONČAREVIČ, K. (2009): *O nekotorych pričinach organizacii kognitivnyh sodržanij pri usvoenii ruskogo jazyka v inoslavjanskoj (serbskoj) srede*. In: STANKOVIČ, B. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk I. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskom okruženii*. Belgrad, s. 33–41.
- KONČAREVIČ, K. (red.) (2015): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad.
- KULIBINA, N. V. (2015): *Distancionnoje povyšenie kvalifikacii prepodavatelej: Massovyj otkrytyj onlajn kurs «Praktičeskaja metodika prepodavanija ruskogo jazyka kak inostrannogo»*. In: KONČAREVIČ, K. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad, s. 133–140.
- MARKOVA, Je. M. (2015): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij: lingvističeskije i lingvodidaktičeskije osnovanija vydelenija i opisanija*. In: KONČAREVIČ, K. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad, s. 61–71.
- MATYUŠOVÁ, Z. (2011): *Ruština jako jinostlovanský jazyk*. *Novaja rusistika* 4, 2011, č. 1, s. 99–101.
- OSTAPENKO, A. A., GUZEJEV, V. V. (2015): *Obučenie gramotnomu ruskomu piš'mu detej, dlja kotorych ruskij jazyk inoslavjanskij*. In: KONČAREVIČ, K. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad, s. 172–184.
- OŽEGOV, S. I. (1977): *Slovar' ruskogo jazyka*. Moskva.
- PETROVA, K. A. (2015): *Problemy kognitivnoj lingvistiki; obučenie studentov, izučajuščich ruskij jazyk kak inostrannyj*. In: KONČAREVIČ, K. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk VII. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskoj srede*. Belgrad, s. 116–124.
- STANKOVIČ, B. (2009): *O celesobraznosti formirovanija metodologii izučenija i metodiki prepodavanija ruskogo jazyka kak inoslavjanskogo*. In: STANKOVIČ, B. (red.): *Russkij jazyk kak inoslavjanskij*. Vypusk I. *Sovremennoje izučenie ruskogo jazyka i ruskoj kul'tury v inoslavjanskom okruženii*. Belgrad, s. 9–12.
- SUROVCEVA, Je. V. (2014): *V meždunarodnyj kongress issledovatelej ruskogo jazyka «Russkij jazyk: istoričeskije sud'by i sovremennost'» (MGU im. M. V. Lomonosova, filologičeskij fakul'tet, 18–21 marta 2014 goda)*. *Acta linguistica* 8, № 1, 2014, s. 129–131. <http://www.google.cz/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=>

67&ved=oahUKEwj6q_26x7zPAhVCW iwKHUZYDPo4PBAWCEMwBg&url=http%3A%2F%2Fwww.actalinguistica.com%2Fjournal%2Findex.php%2Fal%2Farticle%2Fdownload%2F48%2F117&usg=AFQjCNEoHthCATw7N9baK7oZrV8YVA95rg [online]. [cit. 19. 2. 2018].

UŠAKOV, D. N. (2012): *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Moskva. <https://slovar.cc/rus/usakov/403299.html>. [online]. [cit. 28. 9. 2016].

[статьи]

Об авторе

Josef Dohnal, Masaryk University,

Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava,

Faculty of Arts, Department of Russian Studies, Trnava, Slovak Republic,

jdohnal@phil.muni.cz